А. С. Хамзин

«Я БЫЛ ДВОРОВЫМ МАЛЬЧИШКОЙ...»

А. С. Хамзин. 1970-е гг.
Фото из архива АРБ имени А. Я. Вагановой

Адоль Сагманович Хамзин (р. 1934) — выпускник 1953 г. (по классу А. И. Пушкина), артист ленинградского Малого оперного театра (1953–1975), Заслуженный артист РСФСР (1966), преподаватель дисциплины «Дуэтный танец», профессор Академии Русского балета имени А. Я. Вагановой.

Я приехал в Ленинград, когда только-только была снята Блокада и отменено затемнение, когда уже нормально ходил транспорт и жизнь начинала возвращаться в привычное русло.

До этого, в годы эвакуации, труппа Кировского театра находилась в городе Молотове (ныне Пермь), а Школа — неподалеку от нее — в деревне Нижняя Курья.

В 1943 году я приехал в Курью из Уфы вместе с ещё четырьмя учениками (все они по окончании Школы уехали обратно, а меня, по запросу Малого театра в Министерство культуры, оставили в Ленинграде).

Вот предыстория моего приезда: в Уфе был набор в хореографическое училище. Дядя нашей соседки работал в Оперном театре певцом. Там он увидел это объявление о наборе детей в Хореографическое училище с перспективой занятий в Ленинграде. Его племянница спросила меня: «Слушай, ты хочешь танцевать?» Куда танцевать? Что танцевать? Что такое театр? Я понятия не имел! Я был дворовым мальчишкой и до этого нигде не занимался, мне было 8 лет. Она сказала: «Ну ладно, пойдем, там дают мармелад». Я, как услышал про мармелад, сразу решил идти.

Набрали разношерстную группу из пяти человек, я — самый младший. Мама была на работе, и узнала обо всем уже после, когда мы начали заниматься. Педагог стал давать урок у палки. Для меня тогда было абсолютно непонятно, что это такое и зачем. Ну, позанимались и пошли домой. Так прошла зима, а летом нас посадили на пароход и привезли в Молотов. Из Молотова, поездом, уже в Курью.

В деревне для Школы было выделено несколько деревянных зданий: для занятий по специальности, для размещения столовой и общежития. Общеобразовательная школа находилась на расстоянии примерно четырех километров. Однако в спектаклях воспитанники эвакуированной Школы не участвовали, так как практически сразу в Молотове открылась своя школа. Если для постановок нужны были дети — их брали из нее, потому что нам было слишком долго ехать на поезде. Только однажды мы танцевали в Молотове, когда Л. Якобсон поставил массовый номер «Молодежный (пионерский) пляс».

Вестник_2(37)2015.indd 48 28.04.2015 11:43:09

Условия для занятий специальными дисциплинами (классическим, характерным, дуэтным и историческим танцем) были не очень хорошими: деревянный пол с занозами, искусственно сооруженные палки для занятий... Если у палки ещё можно было выполнять какие-то упражнения, то на середине это было крайне трудно — мало места, не было возможности для разбега, всё делали «под себя». Конечно, образование было «условное».

А. Хамзин (Орфей), Г. Покрышкина (Эвридика). Балет «Орфей». 1962 г. *Фото из архива АРБ имени А. Я. Вагановой*

По возрасту я должен был быть в 1-м балетном классе. Но кроме 4-го, в котором среди учащихся были Умрихин, Смирнова, Максимова, не было ни 1-го, ни 2-го, ни 3-го классов. Поэтому со мной пытались заниматься индивидуально, один на один, но безуспешно. Правда, были еще два мальчика — мои одногодки (один из них — Эдик Кургапкин — младший брат Нинели Кургапкиной), но все мы втроем в итоге просто «болтались». А учитывая мою шаловливость и мальчишество, я даже не помню: занимался ли я классикой?

Зато помню, как сделал рогатку и бил стекла. Старшие ребята уходили на занятия и давали мне задание найти что-нибудь, чем можно протопить печку-буржуйку. Топора и пилы у меня, конечно, не было, поэтому, пока никто не видел, я выполнял задание, выламывая доски из заборов. Мы жили на втором этаже, а на первом была мастерская, в которой изготавливали игрушки из дерева и картона. Очень мне запомнилась одна — калейдоскоп. Так вот, иногда (что я тогда понимал!) я и оттуда брал что-то, чем ребята могли протопить печку.

Меня даже исключали, потому что я был не нужен в Школе. Моей матери написали письмо с просьбой, чтобы она приехала и забрала меня, она работала в Верховном суде Башкирии. Когда она пошла к председателю этого Верховного суда, рассказала про всю ситуацию и попросила разрешения её отпустить, чтобы съездить за сыном, он сказал ей: «Он же там учится, его там кормят, одевают, обувают. Скажи, что ты не можешь выехать, что тебя не отпускают». Они ведь не знали, как я учился. Вот так я и остался еще почти на год в Курье.

Н. С. Янанис и А. С. Хамзин с дочерью Алисой. 2014. *Фото В. Васильев*

Л. В. Якобсон репетирует номер «Охотник и птица» со студентами ЛГХУ Э. Минченок и А. Хамзиным. 1953 (?) г.
Фото из личного архива Э. В. Минченок (Брегвадзе).

Питание было скудное, хоть с голоду мы и не умирали. Мама Н. Кургапкиной вместе со школой приехала в Курью и работала кладовщиком, в ее распоряжении были лошадь и телега. Она ездила куда-то за продуктами, привозила их, сдавала в столовую. Ели мы самые простые супы, самые простые вторые, хлеб и сахар по маленькой порции. Этим наше питание и ограничивалось. Иногда, если где-то находилась картошка, ребята резали её дольками и пекли на буржуйке. Из сахара, несколько ложек которого давали на завтрак, мы, дети, сами, при помощи этой же буржуйки, делали леденцы.

Очень хорошо помню учительницу математики — Веру Георгиевну Гохштейн, — она учила нас основам своего предмета. Где-то она доставала сыр, и когда ела его в столовой — срезала корку и оставляла на тарелке, я подметил это, и сразу, как она уходила, доедал эти корочки — это был мой первый сыр в жизни.

Наступила весна 1944 года, Ленинград смог принять Школу обратно. Когда я оказался в Ленинграде, был сформирован первый класс, очень удачный, где были

Нина Тимофеева, Ольга Заботкина, Татьяна Легат, Александр Грибов... Я по возрасту попал в этот класс. Мой характер, моя шаловливость осталась при мне, но теперь обучение уже пошло нормально.

Жили мы в Школе. До 1950-го года классы для занятий специальными дисциплинами отапливались печами. Хоть мы и были ограничены во всем, жизнь шла. Столовой первое время не было, поэтому нас прикрепили к Дому пионеров (Аничков Дворец), там мы питались.

Праздником было получение подарков — американских посылок с продуктами или одеждой и обувью. Особенным деликатесом для нас были сосиски в банках, очень ароматные.

Однажды из такой посылки мне досталось демисезонное пальто, с которым связана вот такая история. В те годы многие что-то коллекционировали — кто-то монетки, кто-то фантики — а я собирал марки. У меня были самые простые. На углу Садовой улицы и Невского проспекта было место сбора коллекционеров марок, где они обменивались ими. Мне очень хотелось иметь одну треугольную марку, которую я увидел там у одного коллекционера, но он очень много за нее просил. Денег, конечно, у меня не было. Когда же он увидел на мне новое пальто, то сказал, что обменяет марку на него, я согласился. Собрал довольно приличную коллекцию.

А на лето я ездил в Уфу к родителям. К этому времени мама вышла второй раз замуж. Так вот, у моего отчима были дети от первого брака. Я, естественно, с ними познакомился. Один из них, его звали Спартак, тоже собирал марки. Когда он увидел мою коллекцию, был в восторге — и я подарил ее ему. Вот как получилось: так долго собирал, и... Был очень бесшабашным и увлеченным!

Вестник_2(37)2015.indd 51 28.04.2015 11:43:10